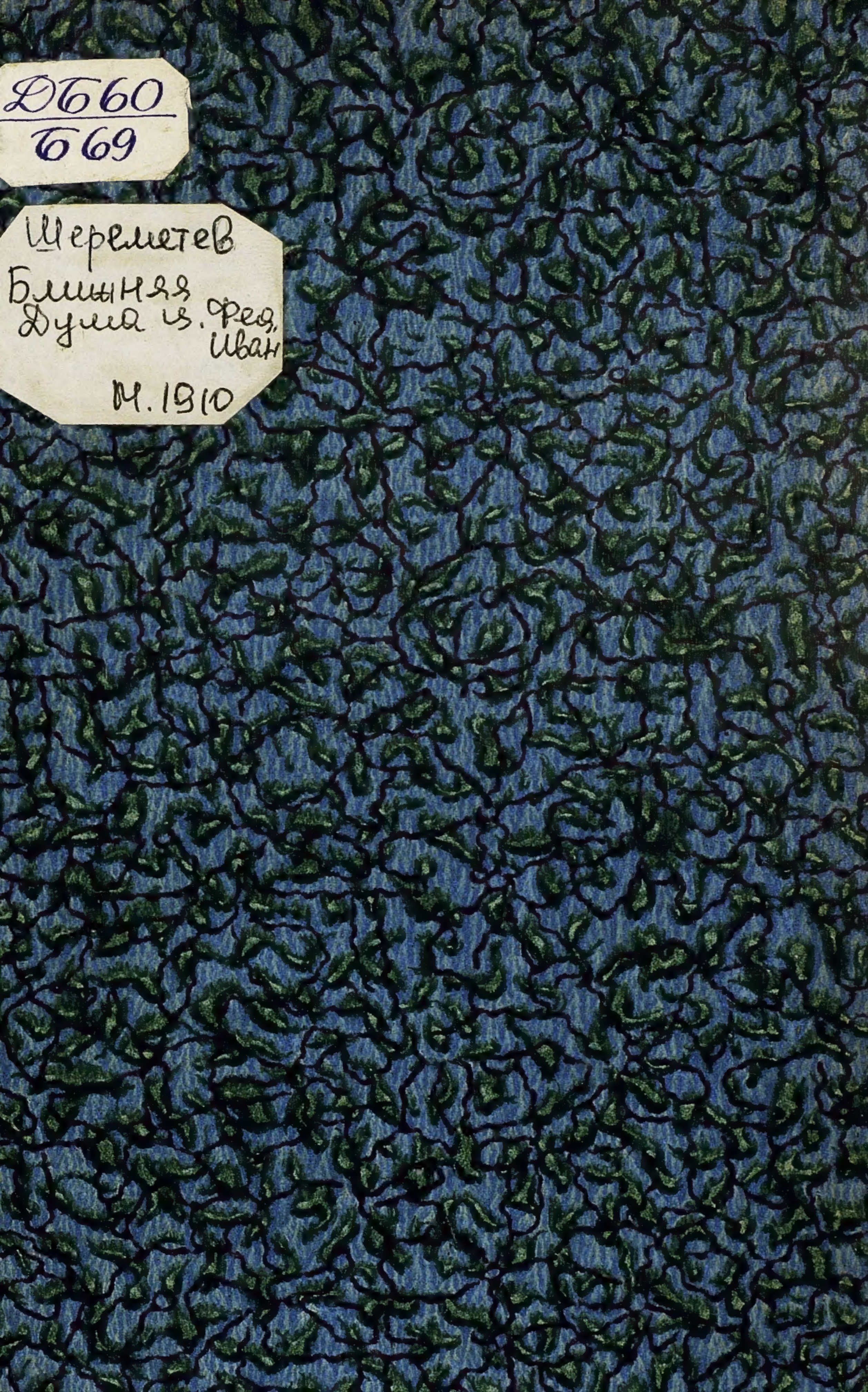
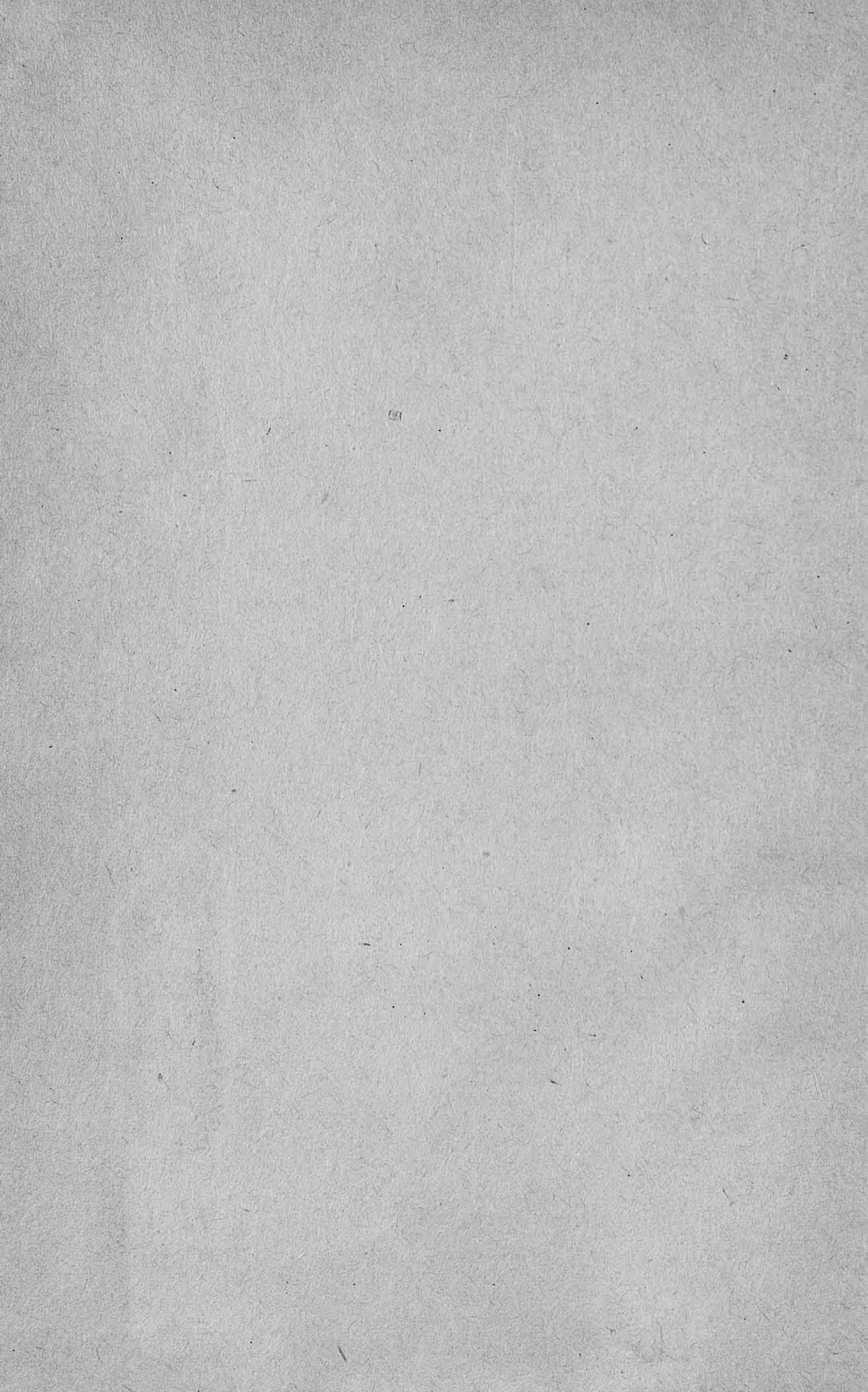
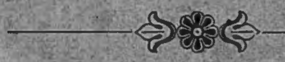

DБ60
Б69
Шереметев
Ближняя
Дума ц. Фед. Иван
М. 1910

Ближняя Дума

царя Ѳеодора Ивановича.

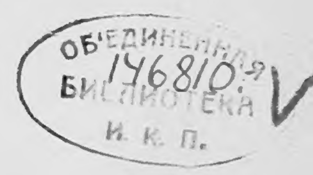

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1910.

Анон.

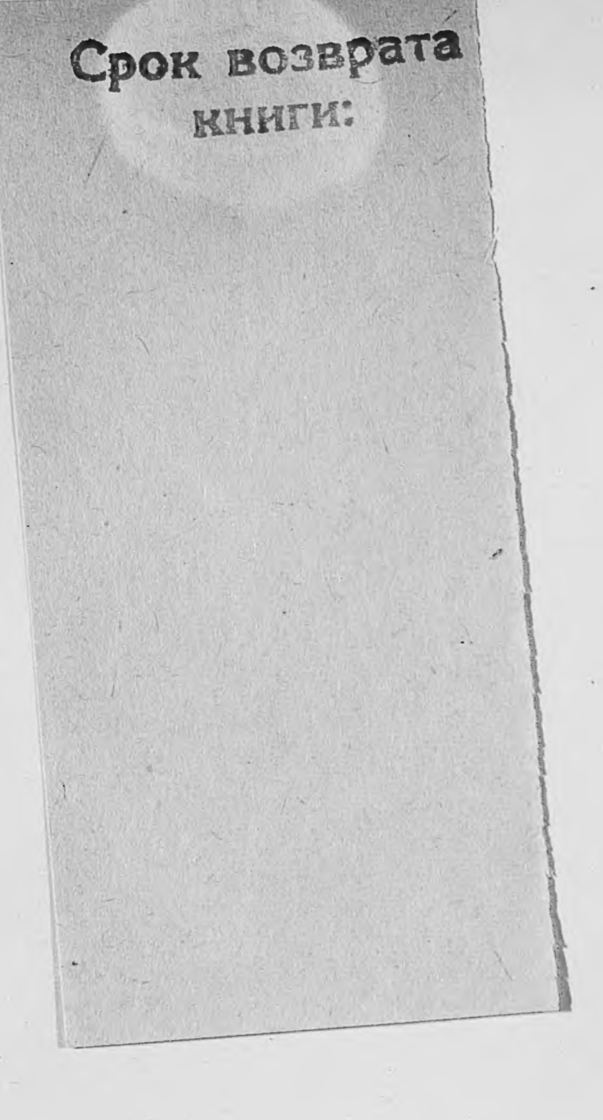
Ближняя Дума

царя Θеодора Ивановича.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1910.

Срок возврата
книги:

Ближняя Дума
царя Θеодора Ивановича.

„А Московскій посолъ пришелъ въ Литовскую землю; государь Московскій писалъ къ панамъ и ко всей землѣ, чтобы взяли у Московскаго государя брата Царевича Дмитрея на королевство, и на Крымскаго Царя станемъ стояти за одинъ“.

Стат. сп. посольства Судакова (Мясново). Моск. Архивъ М. И. Д.

По волѣ Царя Ивана назначена была въ 1584 году Ближняя Дума. Въ составъ ея входили слѣдующія лица: 1) Князь Иванъ Θедоровичъ Мстиславскій, 2) Князь Иванъ Петровичъ Шуйскій, 3) Никита Романовичъ Захарьинъ-Юрьевъ, 4) Богданъ Яковлевичъ Бѣльскій и 5) Борисъ Θедоровичъ Годуновъ. Кромѣ этихъ лицъ, изъ числа коихъ особенно выдѣлялся Никита Романовичъ, слѣдуетъ назвать здѣсь знаменитаго Думнаго дьяка Андрея Яковлевича Щелкалова, человѣка близкаго Романовымъ. Нельзя обойти и того, кому такъ скоро предназначено было

наслѣдовать вліянію и значенію отца своего. То былъ «братъ» Государевъ Ѳедоръ Никитичъ Романовъ.

Со всѣми этими вліятельными лицами отправившійся въ Москву въ 1583 году посолъ Баторія Левъ Сапѣга, въ силу своего положенія, неминуемо долженъ былъ вступить въ личныя сношенія.

Кто же были эти лица?

1. Князь Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій,

Первый, назначенный Грознымъ въ составъ Верховной Думы, былъ старѣйшимъ, почетнѣйшимъ ея представителемъ. Правнукъ Іоанна III, происходилъ онъ и отъ знаменитаго рода князей Литовскихъ, отъ Ольгерда и княжны Тверской и былъ женатъ на княжнѣ Шуйской-Горбатой.

Самъ Царь Иванъ Васильевичъ былъ когда-то его сватомъ (въ 1547 году). По своей матери, кн. Мстиславскій приходился Царю двоюроднымъ племянникомъ. Петръ-Кайдакулъ Царевичъ Казанскій былъ женатъ на сестрѣ Великаго Князя Василія Ивановича и старшаго сына Іоанна III-го

Іоанна Малаго,—на родной теткѣ Грознаго Евдокіи Ивановнѣ. У нихъ была дочь Анастасія, которая вышла замужъ за князя Ѳедора Михайловича Мстиславскаго. У нихъ сынъ—князь Иванъ Ѳедоровичъ, женатый на княжнѣ Горбатой, родной сестрѣ жены Никиты Романовича Захарьина-Юрьева. О сватовствѣ Грознаго, по браку Мстиславскаго, сохранилась слѣдующая любопытная грамота кн. Александру Горбатому и наказныя рѣчи супругѣ его княгинѣ Анастасіи Петровнѣ Горбатой (урожд. Головиной).

«Князь Великій велѣлъ тебѣ говорити: жалуя есми мужа твоего князя Александра и тебя, здѣсе вашю дочерь сговорилъ за племянника своего, за князя Ивана Ѳедоровича Мстиславского, а свадьбѣ есми велѣлъ быти на семъ мясоѣдѣ; а мужу твоему, князю Александру, нынѣ на свадьбѣ быти нельзѣ, нашего для дѣла, и язъ въ мужа твоего во княжъ Александрово мѣсто велѣлъ у васъ быти на свадьбѣ казначеемъ своимъ Ивану Ивановичу Третьякову, да Ѳедору Ивановичу Сукину, да твоей братьѣ (Голови-

нымъ), и ко князю Александру есми о томъ дѣлѣ отъ себя грамоту послалъ. И что будетъ у васъ вашей дочери приданого, и вы бъ то готовили часа того, а чего у васъ не будетъ приданого, ино то язъ исполню своимъ жалованьемъ; а свадебной запасъ велѣлъ есми вамъ дати отъ себя съ дворца. А впередъ своего племянника князя Ивана и мужа твоего князя Александра, и тебя и вашу дочерь хочю жаловати своимъ великимъ жалованьемъ. И ты бъ нынѣ съ дочерью своею поѣхала къ Москвѣ не мотчая. Да сказывалъ намъ братъ твой Ѳома (Головинъ), что князь Александръ, идучи на нашу службу, заложилъ платье твое все... и мы тебя пожаловали, послали тебѣ отъ себя платье, въ чемъ тебѣ ѣхати; а дастъ Богъ пріѣдешь къ Москвѣ и скажешь у кого платье твое заложено, и мы велимъ выкупити».*)

Въ попечительныхъ заботахъ молодаго Государя о своемъ племянникѣ, трудно узнать будущаго Грознаго царя. И позд-

---

*) Акты Историческіе. С.-Пб. 1841. Т. I, стр. 211.

нѣе, въ своемъ духовномъ завѣщаніи, царь Иванъ подчеркиваетъ особое положеніе «племянника»: «А что отецъ нашъ пожаловалъ князя Ѳедора Мстиславскаго, и что азъ придалъ сыну его князь Ивану... и что есми пожаловалъ Романову жену Юрьевича и ея сына Никиту волостьми и селы... и въ тѣ вотчины сынъ мой Иванъ и сынъ мой Ѳедоръ не вступаются» *). Милость Грознаго не избавила однакоже впослѣдствіи Мстиславскаго отъ подозрѣнія, и его, какъ и многихъ другихъ, ручали, что не перейдетъ въ Литву **).

Главные военные подвиги Мстиславскаго въ Ливоніи, гдѣ онъ особенно прославился взятіемъ Феллина. Позднѣе въ тяжкое время успѣховъ Баторія, когда князь И. П. Шуйскій отстаивалъ Псковъ, Мстиславскій вмѣстѣ съ Симеономъ Бекбулатовичемъ (Касимовскимъ) заслонялъ Московскую дорогу. Вообще онъ весьма часто воевод-

*) Карамзинъ. Исторія Г. Р., С.-Пб. 1824, т. X. Прибавл. I, стр. 160.

**) Собраніе Госуд. грамотъ и договоровъ, М. 1813. ч. I, № 197.

ствуетъ съ Симеономъ Бекбулатовичемъ, съ которымъ былъ связанъ узами свойства. Дочь его была замужемъ за этимъ «Великимъ княземъ Тверскимъ» *).

Князь Иванъ Өедоровичъ владѣлъ обширными землями въ предѣлахъ Тульскихъ, гдѣ онъ былъ ближайшимъ сосѣдомъ свояку своему Никитѣ Романовичу. Ему принадлежало въ Кашинскомъ уѣздѣ имѣніе, доставшееся его сыну Өедору, а послѣ него дочери его княжнѣ (старицѣ) Иринѣ Ивановнѣ Мстиславской. Ему же принадлежала подъ Угличемъ обширная «Юхотская вотчина», нѣкогда состоявшая за князьями Юхоцкими—родомъ, угасшимъ въ XVI-мъ вѣкѣ**). Во время опричнины ему же поручено было вмѣстѣ съ княземъ И. Д. Бѣльскимъ***) вѣдать земщиной.

---

*) Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій. Рус. Родословная Книга. I, 403.

**) А. П. Барсуковъ. Свѣдѣнія объ Юхотской волости и ея прежн. владѣльцахъ. С.-Пб. 1894 г., стр. 6.

***) Кн. Иванъ Дмитр. Бѣльскій, со всею семьею погубленный Грознымъ, кромѣ спасшагося въ дѣтствѣ Гавріила—будущаго Галактіона, подвижника Спасо-Каменнаго монастыря на Кубенскомъ озерѣ,—убитаго въ Смутное время.

Повидимому Годуновъ отдавалъ справедливость Мстиславскому, стараясь въ началѣ, по крайней мѣрѣ, сохранить къ нему добрыя отношенія, будучи гораздо моложе его годами и положеніемъ. Еще въ 1585 г. эти отношенія были хороши. «Въ лѣто 1585 кн. Ив. Мстиславской съ Борисомъ Годуновымъ велію любовь между собою имѣша и о дѣлѣхъ государскихъ зѣло радѣша, и назва князь Иванъ Бориса сыномъ, а Борисъ его назва отцомъ себѣ. Никита же Романовичъ ко Господу отыде»*). Одно время Годуновъ думалъ отдать за сына его дочь свою Ксенію. По семейнымъ преданіямъ, по свойству и по родству Головиныхъ—Мстиславскіе составляли одно цѣлое съ Романовыми. Близость эта не мѣшала сближенію съ Годуновымъ, который всегда признавалъ заслуги и значеніе Никиты Романовича. Князь Мстиславскій и положеніемъ своимъ, какъ царскій племянникъ, равно и личными достоинствами, воплощалъ въ себѣ нравственную силу, съ ко-

*) Карамзинъ. Исторія. С-Пб. 1824. Т. X, пр. 60.

торой не легко было прекратить связь. И тѣмъ не менѣе она порвалась и порвалась рѣзко. Въ 1586 году князь И. Ѳ. Мстиславскій еще значится Владимірскимъ воеводою,—незадолго до прибытія Маріи Владиміровны Ливонской (дочери кн. Вл. Андр. и Е. А. Нагой), получившей помѣстье подъ Суздалемъ с. Лежнево*). И въ томъ же году онъ повидимому подвергается опалѣ и уходитъ въ Кирилловъ монастырь. «И постригоша его, и прія конецъ житію своему» въ 1586 году**).

Дружба Мстиславскаго съ Годуновымъ держалась, пока живъ былъ Стефанъ Баторій. Она прекращается съ его смертію, т. е. со времени посольства князя Збаражскаго и кн. Корецкаго съ товарищами и возбужденія вопроса о наслѣдствѣ Польско-Литовскомъ и о Русскомъ кандидатѣ***). Опалу Мстиславскаго 1586 года нужно отдѣлить отъ опалы Шуйскихъ въ 1587 году.

---

*) Акты Археограф. Экспедиціи. Т I. С.-Пб. 1836, стр. 412. Послушная грамота 1588, авг. 7.

**) Карамзинъ. Исторія. С.-Пб. 1824. Т. X, прим. 60.

***) Арх. М. И. Д. Пос. Судакова (Мясново).

Это два дѣла, связуемыя скорѣе для затемнѣнія положенія. Между Мстиславскими и Збаражскими свойство.

«Księżna Mścisławska Anastazya Eufemia była za Stefanem książęciem Zbarazkim wojewodą Trockim» *).

«Опала» Мстиславскаго (если таковая и была)—не ясна, и цѣлымъ годомъ предшествуетъ дѣлу Шуйскихъ. Посольство кн. Корецкаго съ товарищами (1587) и неизвѣстные намъ его результаты, быть можетъ умышленно скрытые (это посольство не сохранилось въ Арх. М. И. Д.), и прибытіе Маріи Владиміровны (дочери Евдокіи А. Нагой) въ предѣлы Владимірскіе,—врядъ ли чуждо связи съ подготовленіемъ «Литовской» кандидатуры.

Пріѣздъ Маріи Владиміровны послѣдовалъ за послѣднею служебною дѣятельностію кн. И. Ѳ. Мстиславскаго, съ воеводствомъ его именно во Владимірѣ **). Отсюда онъ переходитъ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, гдѣ и умираетъ въ 1586 году инокомъ

*) Niesiecki. Herbarz Polski. W Lipsku, 1841, т. VI, стр. 491.
**) Акты.

Іоною, когда настоятелемъ монастыря былъ Варлаамъ (Роговъ), извѣстный впослѣдствіи покровитель пѣвцовъ и слагателей церковныхъ пѣснопѣній; человѣкъ близкій Царевичу Угличскому и семьѣ его, Митрополитъ Ростовскій *).

«Князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго поима и сосла въ Кириловъ монастырь, тамъ же и постригоша его»**).

«Того же году (1586) не стало въ Литвѣ короля Степана Обатура; и приходили изъ Литвы послы къ Царю и В. К. князь Баутъ Корецкой, да князь Якушъ Зборецкой (Збаражскій) да Толвашъ Менской, воевода и писарь Лабудѣръ» ***).

Въ Главномъ Архивѣ М. И. Д. хранится книга Разрядная (рук.) съ 12-го октября 1586 по 1 сент. 1631, № 118, 165; въ ней значится:

---

*) Чтенія въ И. О. И. и Д. Р. 1846, № 3. Ундольскій. Замѣчанія для исторіи церковнаго пѣнія въ Россіи, стр. 22.

**) Карамзинъ. Исторія Гос. Рос. С.-Пб. 1824. т. X, прим. 60. (Ник. Лѣтоп.)

***) Синбирскій Сборникъ. Москва, 1844, т. I, Разр. книга, стр. 95.

«Того же (1586) году въ Литвѣ Короля Степана Оботура не стало». Онъ умеръ 2 декабря 1586. Что посольство было принято, сомнѣній нѣтъ.

«И были у государя послы Литовскіе князь Янушъ Коретцкой да князь Янушъ Зборетцкой (Збаражскій) да Толвешъ Менской, воевода, да писарь Михайло Холобурда (Гарабурда)» *). «Были у Государя», но уже въ 1587 году, слѣдовательно, послѣ посольства Елизарія Ржевскаго въ Литву.

Въ Польско-Литовской Метрикѣ свѣдѣній объ этомъ посольствѣ изъ Литвы въ 1587 году не находится. Слѣдовательно, нашли нужнымъ ихъ изъять, а между тѣмъ посольство важное по содержанію своему и по составу, въ виду открывшагося наслѣдства Стефана Баторія. Гарабурда такъ недавно еще былъ въ Москвѣ по тому же вопросу, а князь Янушъ Збаражскій—родня князю И. Ѳ. Мстиславскому. Тѣмъ выразительнѣе уходъ послѣдняго въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь, какъ разъ передъ этимъ посольствомъ. Содержаніе послѣд-

*) Арх. М. И. Д. (Выписки).

няго открыло бы намъ явственнѣе то, что подготовлялось въ Литвѣ—Русская кандидатура въ лицѣ Царевича Димитрія Углицкаго *)... Понятно, что такой именно документъ и долженъ былъ пропасть! Онъ раскрылъ бы завѣсу относительно кандидатуры Царевича Димитрія Углицкаго, о которой негласно намекалось въ посольствѣ Ржевскаго, нѣкогда товарища по Крымскому посольству Аѳанасія Ѳедоровича Нагово **)

«А нынѣ-де и (послѣ † Баторія февр. 1587) кн. Василій Острожскій и князь Янушъ Збаражскій, собрався, стоятъ на Украйнѣ, чаютъ еще прихода Крымскихъ людей» ***).

Если Збаражскій на Украйнѣ, только что выручивъ князей Острожскихъ, ожидаетъ нападенія Крымцевъ, то выборъ его въ послы въ Москву и въ такое горячее время, видимо вызванъ причинами особенно-важными. Слѣдовательно, его присутствіе въ Москвѣ оказалось еще нужнѣе, чѣмъ на

---

*) Арх. М. И. Д. Ст. сп. пос. Судакова.
**) Id. Пос. А. Ѳ. Нагово въ Крымъ.
***) Id. Пос. Е. Ржевскаго съ тов., копія, стр. 292—3.

Волыни. Извѣстно, что въ Литвѣ слѣдили за Мстиславскими и интересовались ими. Мстиславскіе и Збаражскіе не чужіе другъ другу.*)

Князья Збаражскіе (того же герба, какъ и Вишневецкіе)—потомство Корибута, сына Ольгерда, Великаго князя Литовскаго. О происхожденіи Вишневецкихъ существуетъ разногласіе. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ—они не были потомками Гедимина и Ольгерда, а почитаются потомками, древнихъ князей Славянскихъ**). Князь Янушъ былъ однимъ изъ выдающихся людей своего времени. Janusz wojewoda Braclawski, starosta Krzemieniecki. Его почитали, называя «vigilantissimus et animosissimus Dux». Объ немъ же отзывъ, что онъ былъ «artis militaris peritissimus, prudentia et consilio praesertim in expeditionibus bellicis singulari, civis probus et reipublicae amanissimus»***).

---

*) Лобановъ-Ростовскій. Рус. Родосл. книга С.-Пб. 1895, т. I, 402.

**) В. Н. Смольяниновъ. Матеріалы для родословія князей Гедиминовичей. Извлечено изъ Лѣтописи Ист.-Род. О-ва 1905. Москва, 1905, стр. XII.

***) Niesiecki. Herbarz Polski, т. X, стр. 117—118.

Женатъ онъ былъ на Аннѣ, княжнѣ Четвертинской.

Какъ Збаражскій, такъ и Корецкій Gedymina i Olgerda krew, послѣдніе herbu Pogonia*).

Горсей, находившійся подъ покровительствомъ Годунова до 1587 года, пользовался и довѣріемъ князя Мстиславскаго. Онъ прямо говоритъ, что онъ ознакомилъ его съ хранившимися у него лѣтописями, изъ которыхъ онъ узналъ многія тайны**). Эти тайныя свѣдѣнія, хранившіяся въ лѣтописяхъ Мстиславскаго, касались, вѣроятно, прошлаго Великаго князя Василія Ивановича, и хотя эти лѣтописи не сохранились и объ нихъ нигдѣ не упоминается, но возможно ли безусловно отрицать ихъ существованіе? Вспомнимъ, что прабабушка Мстиславскаго Евдокія Ивановна—дочь Іоанна III, а самое вступленіе Василія Ивановича на престолъ было послѣдствіемъ таинственнаго дѣла—удаленія законнаго наслѣдника,

---

*) Niesiecki, K. Herbarz Polski, т. V, стр. 228.

**) Записки о Московіи XVI в. Горсея. Переводъ съ англ. Н. А. Бѣлозерской. С-Пб. 1909. Стр. 20.

соименнаго Угличскому—Дмитрія Ивановича. Это прошлое, какъ видно, очень занимало Горсея, знавшаго настолько языкъ нашъ, что онъ могъ перевести для Ѳ. Н. Романова на Славянскій языкъ—Латинскую грамматику. Горсей иначе не называетъ Мстиславскаго, какъ «княземъ царской крови»*).

Этотъ «царскій племянникъ» назначенъ былъ Грознымъ «воспріемникомъ» меньшему его сыну Дмитрію Ивановичу Углицкому. Крестъ, будто бы имъ данный, предъявлялся позднѣе Ростригою.

Все это достаточно опредѣляетъ положеніе и значеніе князя Мстиславскаго въ Ближней Думѣ.

2. *Князь Иванъ Петровичъ Шуйскій.*

Старшій представитель сильнаго рода Суздальскихъ князей, потомковъ Александра Невскаго, неохотно уступавшихъ свои древнія права и положеніе единодержавію Московскаго Государя. Шуйскіе заявили себя еще въ малолѣтство Царя Ивана, на молодое и пылкое воображеніе котораго

*) Ibid., стр. 31.

слишкомъ глубоко врѣзались впечатлѣнія своего отрочества и чрезмѣрнаго ихъ властолюбія. Въ одномъ изъ писемъ своихъ князю А. М. Курбскому онъ говоритъ: «Едино вспомяну: намъ бо во юности дѣтства играюще, а князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій сидитъ на лавкѣ, локтемъ опершися отца нашего о постелю, ногу положивъ; къ намъ же не приклоняяся не токмо яко родительски, но еже властелински, яко рабское жъ, ниже начало обрѣтеся, и таковая гордыня кто можетъ понести!»

«Потомъ же князь Андрей Шуйскій со единомышленники своими, пришедъ къ намъ въ столовую избу, неистовымъ обычаемъ, и передъ нами боярина нашего Семена Ѳедоровича Воронцова восхитивше безчестно и оборвавши, вынесли изъ нашей столовой избы и хотѣли его убить. И мы послали къ нимъ митрополита Макарія, да бояръ своихъ Ивана да Василья Григ. Морозовыхъ, съ своимъ словомъ, чтобъ его не убили, и они едва нашего слова послушали, а сослали его на Кострому»*).

*) Н. Устряловъ. Сказанія князя Курбскаго. Изд. 2-е, С.-Пб. 1842, стр. 183—84.

Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ:

«Князь Василій и князь Иванъ Шуйскіе тѣхъ всѣхъ, которые отцу нашему и матери нашей главные измѣнники, изъ поиманія повыпускали и къ себѣ ихъ примирили... И тако свое хотѣніе во всемъ улучиша, и сами убо царствовати начаша»*).

Позднѣе, когда уже проявилась власть молодаго Царя, одинъ изъ Шуйскихъ ушелъ въ Литву.

Онъ уже болѣе не возвращался на родину и зажилъ въ Польшѣ, гдѣ потомство его весьма скоро ополячилось и измѣнило Православію. При царѣ Иванѣ выдвинулся, какъ воевода, князь Петръ Ивановичъ Шуйскій, разбитый гетманомъ Радзивиломъ недалеко отъ Орши, на рѣкѣ Улѣ, гдѣ онъ и палъ въ бою **).

«Несомнѣнно, что къ 1536 году отъ короля Сигизмунда I получилъ имѣніе Тере-

---

*) Н. Устряловъ. Сказанія кн. Курбскаго. Изд. 2, С.-Пб. 1842, стр. 182—83.

**) Соловьевъ, Исторія, II, 195.

бунь въ Брестскомъ повѣтѣ князь Иванъ Дмитріевичъ Шуйскій»*).

Въ 1551 г. (28 дек.) Сигизмундомъ Августомъ дана въ Вильнѣ утвердительная привилегія на это имѣніе,—20 службъ людей и 5 пустошей (Вил. Центр. Арх. Актовая книга Брестскаго Земскаго суда № 7349, стр. 436—439)**).

Сынъ кн. Ивана Дмитріевича—князь Янъ Иван. Шуйскій (док. о немъ въ Вил. Ц. Арх.); у него 6 сыновей и 4 дочери, жена Марина Юражанка. Изъ утвержденія завѣщаній его видно, что кн. Янъ умеръ ранѣе 4 апр. 1610 г. Они связаны съ исторіей Корощина и Теребуня***).

Вообще, родъ Шуйскихъ пользовался особымъ почетомъ въ Польшѣ. Посѣщавшіе Россію иностранцы обращали вниманіе на родовитость Шуйскихъ. Такъ, Флетчеръ называетъ ихъ первыми князьями царской крови.

---

*) Цвѣтаевъ. Царь Василій Шуйскій. Москва-Варшава, 1910, т. I, стр. 101, примѣч.
**) Ibid., стр. 102. Примѣч.
***) Ibid.

Въ Польшѣ смотрѣли на Шуйскихъ, какъ на законныхъ наслѣдниковъ царства Русскаго, въ случаѣ прекращенія рода Московскихъ Князей, потомковъ Калиты. Это громко и не разъ высказывалось Замойскимъ и иными*).

Такъ въ 1605 году на сеймѣ Замойскій высказался, что «помимо Димитрія (Розстриги), если мы ужъ желали возвести на Московскій престолъ Государя того же рода, есть другіе законные наслѣдники Московскаго княжества. Законными наслѣдниками этого княжества былъ родъ Владимірскихъ князей, по прекращеніи котораго права наслѣдства переходятъ на родъ князей Шуйскихъ, что̀ легко можно видѣть изъ Русскихъ лѣтописей» **).

Этотъ сочувственный Польскій оттѣнокъ, когда рѣчь идетъ о Шуйскихъ (или вѣрнѣе о князѣ Василіи Ивановичѣ), имѣетъ нѣсколько презрительный характеръ, вызванный нравственными качествами этого «по-

---

*) Арх. Мин. Ин. Дѣлъ.

**) Рус. Истор. библ. т. I. Отр. изъ дневника Польскаго сейма 1605 г., столб. 17.

слѣдняго» историческаго представителя рода.

Въ 1586 году кн. В. И. Шуйскій—Смоленскій воевода*), т. е. въ самый разгаръ вопроса о наслѣдствѣ Стефана Баторія, во время посольства князя Корецкаго съ тов., къ сожалѣнію исчезнувшаго въ дѣлахъ Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Мы видимъ Шуйскихъ при началѣ царствованія Θеодора во враждѣ съ Богданомъ Бѣльскимъ. Его удаленіе состоялось, говорятъ, «по заводу Шуйскихъ бояръ»**). Въ своей гордынѣ, не признавая никого выше себя, они не могли относиться искренно къ не менѣе знатному роду Мстиславскихъ, представителемъ которыхъ былъ царскій «племянникъ». Многочисленная семья Шуйскихъ не бѣдна была выдающимися по дарованіямъ людьми. Но несомнѣнное право на уваженіе заслуживаетъ князь Иванъ Петровичъ своею знаменитою обороною Пскова. Доблестною защитою города,

---

*) Синбирскій Сборникъ, т. I. Разрядная книга, стр. 92.

**) Карамзинъ. Исторія Госуд. Рос. С.-Пб. 1843, т. X, прим. 10.

онъ сломилъ Стефана Баторія и много способствовалъ облегченію условій мира. Достаточно того, что онъ оказался достойнымъ соперникомъ Баторія и Яна Замойскаго, но онъ оказался и великодушнѣе ихъ. Когда подосланъ былъ къ нему зарядный ящикъ, который долженъ былъ при вскрытіи причинить ему гибель, Шуйскій отвѣчалъ Замойскому, что почитая таковую борьбу недостойною, онъ предлагаетъ ему поединокъ. Это могло быть и косвеннымъ отвѣтомъ на извѣстное предложеніе Баторія единоборства съ Іоанномъ Грознымъ*).

Въ концѣ царствованія Грознаго, въ 1579 году (ноября 8), возникло мѣстническое дѣло между княземъ Иваномъ Петровичемъ Шуйскимъ и княземъ Васильемъ Юрьевичемъ Голицынымъ, отцомъ «Столба».

«Билъ челомъ Государю Ц. и В. Кн. Ивану Васильевичу... бояринъ князь Василій Юрьевичъ Голицынъ на боярина князя Ивана Петровича Шуйскаго въ счетѣ о мѣстѣхъ, и Государь приказалъ бояромъ

---

*) Карамзинъ. Исторія Госуд. Рос. С.-Пб. 1843, т. IX, ст. 203.

князю Ивану Θедоровичу Мстиславскому съ товарыщи, а велѣлъ... въ счетѣ о мѣстахъ слушати. И того же часу, пришедъ отъ Государя въ Розрядъ Оѳонасій Θедоровичъ Нагой, говорилъ бояромъ князю И. Θ. Мстиславскому съ тов. о томъ, что велѣлъ Государь... (то дѣло) слушати сего дня.

И бояре, Иванъ Θедоровичъ Мстиславскій съ тов. сидѣли въ Розрядной избѣ до пятаго часу ночи, слушали Θомина дѣла Бутурлина съ княземъ Θедоромъ Хворостининымъ; а бояринъ князь Иванъ Петровичъ Шуйской туто-жъ съ бояры въ Розрядной избѣ сидѣлъ, и какъ Θомина дѣла бояре дослушали, и бояринъ князь Иванъ Петровичъ Шуйской изъ Розрядной избы поѣхалъ, и всѣ бояре учали разъѣзжатись; а бояре-жъ князь Θедоръ да князь Василей Ивановичи Мстиславскіе и Дмитрей Годуновъ изъ Розрядныя избы выѣхали же; Оѳонасья Нагово въ Розрядѣ не было жъ»*).

---

*) Погодинъ. Русск. Истор. Сборникъ. Москва, 1838, т. 2, стр. 1—3.

Рѣшеніе продолжительнаго спора было таково:

«Бояре сочли князя Ивана Юрьевича Голицына (брата челобитчика) князю Петру Ивановичу Шуйскому четвертымъ братомъ, а князя Ивана Петровича причли князю Ивану Юрьевичу Голицыну въ версту, а князя Василія Юрьевича мѣстомъ больше. А *сѣсти* было кн. Петръ, кн. Юрьи, кн. Дмитрей, кн. Иванъ Голицынъ, кн. Иванъ Шуйской, оба князи Иваны ровны, а князь Василей Голицынъ *у нихъ* (sic)»*).

Въ Москвѣ у Шуйскихъ было сильное положеніе; за нихъ въ особенности стояли торговые люди. Заслуги князя Ивана Петровича давали ему особыя права, которыя признавалъ самъ Царь. Послѣ вѣнчанія Ѳеодора, на Шуйскихъ посыпались милости. Двое изъ нихъ, князь Андрей Ивановичъ и князь Василій Ивановичъ были пожалованы боярами. Князю Ивану Петровичу оказана «неслыханная» милость. «Царь Ѳеодоръ Ивановичъ князя Ивана Петровича Шуйскаго за его службу пожаловалъ

*) Ibid., стр. 34.

великимъ жалованьемъ, въ кормленье Псковомъ обѣма половинами, и съ пригороды, и съ тамгою и съ кабаки, чего ни которому боярину не давывалъ Государь» *).

«Князь Иванъ Шуйскій, первый князь царской крови—Prime Prince of the bloud royall,—пользовавшійся большимъ уваженіемъ, властью и внушительностью. Весьма опасались его неудовольствія и его значенія» **).

Флетчеръ вообще восхваляетъ Шуйскихъ. Объ князѣ Андреѣ Ивановичѣ онъ говоритъ: «человѣкъ большой мудрости».

«Ихъ четыре брата»,—говоритъ онъ о Шуйскихъ,—молодые люди и всѣ не женатые». Онъ называетъ ихъ «удѣльными князьями», все потерявшими, но онъ же предсказываетъ имъ успѣхъ въ будущемъ въ народѣ, который захочетъ когда-нибудь возстановить ихъ (!), если кто-либо изъ

---

*) Карамзинъ. Исторія Госуд. Рос., С.-Пб. 1824, т. X, стр. 51, прим. 148.

**) Fletcher. Russia at the close of the sixteenth century. Comprising, the treatise «Of the Russe Common Wealth» and The travels of sir Jer. Horsey London, 1856, p. 219.

нихъ уцѣлѣетъ. Онъ особенно хвалитъ умъ князя Василія Ивановича, а о князѣ Иванѣ Петровичѣ выражается такъ: «человѣкъ большихъ достоинствъ, много послужившій странѣ» *).

Но далеко не всѣ члены рода Шуйскихъ отличались качествами князя Ивана Петровича. Мы имѣемъ краснорѣчивый примѣръ тому въ лицѣ именно князя Василія Ивановича. Всего труднѣе мирились Шуйскіе съ первенствующимъ вліяніемъ Годунова. Не мирились они и съ положеніемъ Угличскаго царевича. Намекъ Флетчера на положеніе Шуйскихъ и сохранившуюся у нихъ надежду возвратить утраченное, достоинъ вниманія. Вѣдь В. И. Шуйскій возвратилъ роду своему болѣе того, чѣмъ они пользовались, какъ князья Удѣльные. Онъ перешагнулъ черезъ двойную кровь и достигъ давняго, сокровеннаго желанія!

3. Никита Романовичъ Захарьинъ-Юрьевъ.

Шуринъ Царя Ивана и любимый братъ царицы Анастасіи. Сего было достаточно

*) Ibid., p. 35.

даже и для такого Царя, каковъ былъ Грозный, чтобы заслужить себѣ почетъ, уваженіе и привязанность. Это чувство поддерживалось почти во всю многомятежную жизнь Царя Ивана. Никита Романовичъ, подобно Мстиславскому, уцѣлѣлъ среди погрома искорененія измѣны. Его даже никогда не ручали. Не отходя отъ престола, ничѣмъ не запятналъ себя доблестный бояринъ. Онъ былъ какъ бы совѣстью Іоанна, а народъ чуялъ въ немъ—своего «печальника». Отсюда его исключительное положеніе, любовь къ нему народная, былина и пѣсни о немъ слагаемыя, его несомнѣнныя права на признательность современниковъ и потомства. Имя его, сливаясь съ именемъ «Юницы» Грознаго—Анастасіи, служило выраженіемъ всего чистаго и возвышеннаго. Они заслужили это чувство. Оно сквозь великую смуту пробилось неудержимо, когда чутьемъ народнымъ, всею землею, призванъ былъ на царство Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ.

Когда въ 1581 году погибалъ Царевичъ Иванъ отъ руки обезумѣвшаго отца, Гроз-

ный Царь, въ порывѣ охватившаго его волненія, начерталъ Никитѣ Романовичу слѣдующія строки:

«Отъ Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Руси боярину нашему Микитѣ Романовичу Юрьеву, да дьяку нашему Ондрею Щелкалову. Котораго вы дня отъ насъ поѣхали, и тово дня Иванъ сынъ разнемогся и нынече конечно боленъ, и что есмя съ вами приговорили, что было намъ ѣхати къ Москве въ середу заговѣвши, и нынече намъ для сыновни Ивановы немочи ѣхати въ середу нелзя, и вы бъ о томъ помыслили, какъ тому быти, что король гонца своего прислалъ, а велитъ дѣлати наскоро, и вы бъ къ намъ отписали, какъ о гонцѣ о королевѣ быти; а намъ, докудова Богъ помилуетъ Ивана сына, ѣхати отсюда невозможно. Писано въ Слободѣ лѣта 7090 (1581) ноября въ 12 день» *).

Пораненіе отцомъ сына случилось не 14, а на нѣсколько дней раньше. Царевичъ

---

*) Лѣтопись занятій Археогр. Ком., вып. XI, отд. III, стр. 77. Лихачевъ. Дѣло о пріѣздѣ А. Поссевина.

умеръ 19 ноября, погребеніе было 22 числа.

«Лѣта 7091 (1583) мѣсяца генваря въ 6 день былъ царь и государь у Живоначальныя Троицы, у великихъ чудотворцевъ Сергія и Никона въ обители... И учалъ государь царь рыдати и плакати и молити... чтобъ его сыну государю царевичу Ивану учинили въ особь поминаніе по недѣлямъ... и о томъ поминаньѣ, о царевичѣ Иванѣ, плакалъ и рыдалъ и умолялъ... шесть поклоновъ въ землю положилъ со слезами и рыданіемъ» *).

По смерти Царя Ивана, среди партійныхъ раздоровъ, немедленно выяснилось первенствующее положеніе Никиты Романовича**). Народъ волновался, опасаясь за его жизнь, и величалъ его торжественно, когда онъ показался ему на глаза. Его нравственная сила давала себя чувствовать, и всѣ ее признавали.

Никита Романовичъ занималъ высокое

---

*) Лѣт. занятій Археогр. ком., в. XI, стр. 186—187.

**) Карамзинъ. Исторія Гос. Рос. С.-Пб. 1824, т. X. Прим. 23.

положеніе въ Думѣ. Годуновъ благоразумно избѣгалъ съ нимъ столкновеній и дорожилъ сношеніями съ нимъ. Но Романовы были ему не свои. Къ тому же Никита Романовичъ скоро очистилъ ему мѣсто, оставивъ въ лицѣ многочисленнаго потомства знаменитыхъ «Никитичей», опасныхъ соперниковъ Годунову. Какъ ни силенъ былъ «царскій шуринъ», но при царѣ Θеодорѣ онъ не дерзалъ коснуться царскаго «брата», Θедора Никитича Романова. И одна возможность этого явленія не оттѣняетъ ли самого царя съ непризнанной стороны?

Владѣя обширными помѣстьями, Никита Романовичъ былъ по Тулѣ сосѣдомъ Мстиславскому, по Юрьевцу—Богдану Бѣльскому, по Коломнѣ—Колтовскимъ и Отрепьевымъ*).

Родъ Романовыхъ,—говоритъ современникъ,—«былъ самый знатный, древнѣйшій и могущественнѣйшій въ землѣ Московской. Никого не было ближе ихъ къ престолу»**).

---

*) Писцовыя книги.

**) Сказанія Массы и Геркмана о Смутномъ времени въ Россіи. С.-Пб. 1874, стр. 50—51.

«Ни одна изъ этихъ старыхъ, истыхъ боярскихъ фамилій такъ устойчиво не удерживала за собою виднаго мѣста, такъ неуклонно не присутствовала при дѣлахъ государственнаго созиданія, совершаемаго Москвою, какъ фамилія Романовыхъ-Юрьевыхъ»*).

«Этотъ Никита Романовичъ», говоритъ Горсей—«былъ статный, мужественный князь, всѣми почитаемый и любимый».

«Stowt, valiant prince, honored and beloved of all men».

Въ послѣднее время, по его же словамъ, его сглазили, языкъ у него неожиданно отнялся и онъ лишился чувства. Хотя онъ еще живъ, но протекторъ сказалъ, что это не на долго»**).

Лѣта 1586, апрѣля въ 23 день, преставися рабъ Божій боляринъ Никита Романовичъ Юрьевъ Захарьинъ, во иноцѣхъ Нифонтъ схимникъ»***).

Онъ пережилъ пятью только годами

*) Соловьевъ. Исторія Россіи, кн. II, стр. 537.

**) Fletcher and I. Horsey. Russia at the close of the sixteenth century. The Travels. London, 1856 p. 226.

***) И. М. Снегиревъ. Новоспасскій ставропиг. мон. въ Москвѣ. М. 1863, стр. XI.

вторую жену свою: «1581 г. апрѣля въ 4 день, преставися раба Божія болярыня Евдокія, болярина Никитина, вторая жена Романовича Юрьева, а дщерь болярина князя Александра Борисовича Горбатова»*).

Поетъ народъ про Никиту Романовича и приписываетъ ему спасеніе царевича «меньшаго Ивановича», поетъ про трехъ большихъ бояриновъ, про трехъ Годуновыхъ измѣнниковъ, о томъ какъ—

«Упала звѣзда поднебесная,
Потухла въ Соборѣ свѣча мѣстная:
Не стало Царевича у насъ на Москвѣ,
Меньшаго... Ивановича»**).

А когда погибъ «старшій Ивановичъ», то Грозный Царь къ нему лишь, къ Никитѣ Романовичу, обратился письменно, сообщая ему ужасную вѣсть о случившемся съ Наслѣдникомъ Престола***).

Его народное, любимое имя подготовило въ будущемъ избраніе Михаила.

---

*) Ibid, стр. XI.

**) Кирша Даниловъ. Древнія Россійскія стихотворенія, Москва, 1818, стр. 330.

***) Лихачевъ. Лѣтопись занятій Арх. Ком., вып. XI, отд. III, стр. 77. Дѣло о пріѣздѣ Поссевина.

4. *Богданъ Яковлевичъ Бѣльскій.*

Еще молодымъ человѣкомъ появляется онъ на свадьбѣ Ивана Грознаго съ Мареой Собакиной. Въ церкви «съ государевымъ подношеніемъ» былъ Богданъ Бѣльскій. Онъ же на этой свадьбѣ съ Государемъ былъ въ мыльнѣ—вмѣстѣ съ Борисомъ Годуновымъ *). Богданъ Бѣльскій выдвинулся не одною близостью къ Царю, но и своими дарованіями. Въ дѣлахъ ратныхъ, какъ и въ посольскихъ, онъ заслужилъ справедливую извѣстность. Въ послѣднее время Грозный какъ-то особенно пристрастился къ нему. 13 лѣтъ находился онъ при немъ неотлучно и даже спалъ съ нимъ въ одной комнатѣ. «Бѣльскій»,—говоритъ современникъ,—«былъ любимецъ Грознаго. Близость его къ Царю ставила его даже выше Годунова. Бѣльскій сохранилъ свое высокое положеніе при Өеодорѣ, хотя и не жилъ въ Москвѣ». Особенное его положеніе при Грозномъ отмѣчено Тимофеевымъ. «Нѣко-

*) Карамзинъ. Исторія Г. Р., т. IX, прим. 367.

ему», говоритъ онъ,—«званіемъ бывшу по реклу Богдану, отъ всего царска синклита первоближну и началосовѣтну при преславнаго царя Ивана очѣхъ, елма въ державѣ и величайшая многи благородіемъ бяху, неже той, превозлюбленну же ему бывшу царемъ паче всѣхъ по угожденію: сердце царя всегда о немъ несытнѣ горяше и очи своя нань присно несовратнѣ издаваше»*).

Вотъ что о Бѣльскомъ говоритъ Поссевинъ: «Bogdan Jacowlewicz Bilscius, qui gratiosissimus tredecim integros annos apud Principem fuerat, atque in ejus cubiculo dormiebat», т. е. 13 лѣтъ былъ при Государѣ и спалъ у него въ спальнѣ»**).

По смерти этого тирана, — говоритъ Шведъ Петрей—безчеловѣчнаго (Іоанна IV) въ странѣ происходило что-то не обыкновенное. Богданъ Бѣльскій, сдѣланный княземъ опекуномъ его дѣтей (блюститель Царевича?), былъ сильный бояринъ съ весьма большимъ значеніемъ и богатствомъ.

---

*) Рус. Ист. Библ., т. XIII, ст. 317. Временникъ Тимофеева.

**) Карамзинъ. Исторія, т. IX, примѣч. 554 (Moscovia A. Possevinii, p. 27).

Великая надменность Бѣльскаго была довольно извѣстна Москвитянамъ*). Англійскій посолъ Смитъ, прибывшій въ Россію въ концѣ царствованія Годунова, называетъ Бѣльскаго: Who was chiefe minion to the old Empe rour Evan Vassiliwich.»**). Онъ пользуется особымъ довѣріемъ царя, ему поручено вести переговоры съ Англійскимъ посломъ Еремеемъ Баусомъ, онъ же въ сношеніяхъ съ чародѣями Лопи, вызванными въ Москву***). Онъ же выдвигается одновременно съ Годуновымъ тотчасъ послѣ смерти Грознаго, умершаго на ихъ рукахъ.

Не задолго до смерти Царя Ивана Васильевича прибываетъ въ Москву посольство князя Януша Збаражскаго съ тов. Богданъ Бѣльскій на царскомъ пріемѣ стоитъ по правую руку Государя. По лѣвую стоитъ Аѳанасій Ѳедоровичъ Нагово, а возлѣ рындъ стоялъ дьякъ Андрей Щелкаловъ; а затѣмъ

*) Сказанія иностр. писателей о Россіи. Изд. Археогр. Ком. Т. I, С.-Пб. 1851. Ex Petri Petrei chronicis Moscoviticis, стр. 148.

**) Sir Thomas Smitnes voiage and entertainment in Rushia. London, 1605, листъ 45 обор.

***) Дж. Горсей. Записки о Московіи. С.-Пб. 1909, стр. 55.

за трапезою потчивалъ гостей и потомъ «къ нимъ на подворье с меды ѣздилъ» — Иванъ Григорьевичъ Нагой *).—Это тотъ самый, на котораго тотчасъ же по смерти Грознаго «возложена опала». Пребываніе Збаражскаго на Москвѣ продолжительное...

Удаленіе Бѣльскаго изъ Москвы (хотя и почетное) вскорѣ по воцареніи Өеодора— воеводою въ Нижній Новгородъ, такъ поясняется современникомъ: «Тогда», говоритъ онъ, «вдалѣ града царска во своихъ онъ предѣлѣхъ удаляемъ бываше отъ молвъ міра за наставшую о немъ во царствіи тогда бывшую крамолу» **). «Крамола» эта разыгралась весьма скоро по воцареніи Өеодора, и, какъ гласитъ лѣтопись, началась «по заводу Шуйскихъ бояръ» ***).

Отдаленный отъ Москвы, на Нижегородскомъ воеводствѣ, Богданъ Бѣльскій, хотя и не въ явной опалѣ, но очутился въ необычномъ для него положеніи, вдали отъ средо-

---

*) Арх. М. И. Д. Посольство кн. Збаражскаго 1582.

**) Рус. Ист. Библ., т. XIII. Временникъ дьяка Ивана Тимофеева, стр. 317.

***) Карамзинъ. Исторія Госуд. Рос. С.-Пб. 1843, т. X, примѣч. 10.

точія власти и въ разобщеніи съ царской думой. Назначенный Грознымъ яко бы «блюстителемъ» младшаго сына, Царевича Димитрія, онъ, находясь на Нижегородскомъ воеводствѣ, «крамолою» отдаленъ и отъ своего питомца; съ этимъ онъ всего менѣе примирялся, хотя у него были друзья, и онъ не оставался безъ связей съ Ливонскими плѣнниками и не безъ вѣстей изъ Москвы. Смитъ прямо указываетъ на сношенія Богдана Бѣльскаго съ матерью Царевича, царицею Марьею и съ Думнымъ дьякомъ Андреемъ Щелкаловымъ. Но эти два имени пріобрѣтаютъ еще большее значеніе, когда мы присоединимъ въ числѣ третьяго имя «брата» государева,—Ѳедора Никитича Романова, близкаго сосѣда Бѣльскому. Романовское гнѣздо село Клины близъ Юрьевца-Польскаго не въ далекомъ сосѣдствѣ отъ Луха, принадлежавшаго Богдану Яковлевичу Бѣльскому и бывшаго помѣстья князей Бѣльскихъ.

Ему вообще достаются имѣнія лицъ опальныхъ. Князья Бѣльскіе всѣ были погублены за исключеніемъ Гавріила, буду-

щаго Галактіона, подвижника Кубинскаго Спасо-Каменскаго монастыря. Преданіе о спасеніи его (въ житіи) многознаменательно. Такъ, Богдану Бѣльскому достались имѣнія опальныхъ Воронцовыхъ, также пострадавшихъ при Царѣ Иванѣ и замолкшихъ въ Смутное время, подъ рясою Троицкихъ иноковъ.

О положеніи Бѣльскаго по удаленіи изъ Москвы говоритъ Тимофеевъ:

«Преѣзжая отъ веси въ весь, во обиліи тамо и покои мнозѣ прибываше вседомно, токмо свято наставшаго царя Өеодора очесъ не видѣ и близъ того вкупочинныхъ си несопричастенъ приснѣй славѣ... Яко сномъ успоша и яже о немъ особнѣ во градѣ молвящее преста»*).

Богданъ Бѣльскій былъ женатъ. По смерти жены, въ Кормовой книгѣ Ярославскаго Спасскаго монастыря записано: «Кормъ кормити по Богдановѣ женѣ Яковлевича Бѣльскаго по Еленѣ, на ея преставленіе— калачи, рыба, квасъ сыченъ». Самъ же онъ,

*) Рус. Ист. Библ., т. XIII. Временникъ Тимофеева, стр. 317.

повидимому, носилъ двойное имя.—«Кормъ кормити по Богданѣ Яковлевичѣ Бѣльскомъ, а имя ему Андрей, на его преставленіе, калачи, рыба, квасъ сыченъ»*).

Что Романовъ и Бѣльскій не были врагами, это видимъ изъ словъ самого Ѳедора Никитича. Вотъ что говорилъ онъ изъ невольнаго своего заточенія въ Сійскомъ монастырѣ о людяхъ, ближайшихъ къ престолу Годунова: «Не станетъ-де ихъ съ дѣло ни съ которое, нѣтъ-де у нихъ разумнаго; одинъ-де у нихъ разуменъ Богданъ Бѣльскій, къ посольскимъ и ко всякимъ дѣламъ добрѣ досужъ»**).

Какъ бы то ни было, но этотъ «разумный», по мнѣнію Романова, Богданъ Бѣльскій, оказался на сторонѣ главныхъ сопротивниковъ Годунова. При Царѣ Ѳеодорѣ онъ носилъ почетное званіе Оружничаго, оставаясь въ удаленіи Нижняго Новгорода, гдѣ въ то время была, какъ и въ Угличѣ,

---

*) Истор. акты Яр. Сп. мон. Книга Кормовая, изд. Вахрамѣева. Москва, 1896, стр. 25 и 27.
**) Акты Истор. т. II, стр. 51.

колонія плѣнныхъ Ливонцевъ, послѣ войнъ Царя Ивана.

Богданъ Бѣльскій тотчасъ послѣ смерти Грознаго вышелъ къ народу вмѣстѣ съ Годуновымъ. Это сочетаніе искусственное и сбивающее. Оба соперника опредѣленно тогда выдвинулись.

Богданъ Бѣльскій, раздѣлявшій тайну Грознаго, въ связи съ его завѣщаніемъ, прикосновенный ко всѣмъ правительственнымъ дѣламъ и важнѣйшимъ переговорамъ съ посольствами, былъ опасенъ Годунову, послѣ первыхъ смутныхъ часовъ по смерти Іоанна. Онъ «сильный бояринъ съ весьма большимъ значеніемъ и богатствомъ»*).

Извѣстно, что Грозный ввелъ Богдана Бѣльскаго въ тайну своего намѣренія относительно управленія государствомъ по его смерти. Онъ желалъ привлечь посредничество и авторитетное участіе Цезаря къ дѣламъ своего наслѣдства. У него два сына, два царевича, и оба, по выраженію

---

*) Сказанія иностр. писателей о Россіи, изд. Арх. Ком. Т. I, С.-Пб. 1851. Ex Petri Petrei, chronicis Moscoviticis, стр. 148.

С. Ѳ. Платонова— «недѣеспособны»*), одинъ по природѣ своей, другой по возрасту, причемъ первый былъ давно бездѣтенъ. За каждымъ царевичемъ стояли сторонники, и, конечно, у царевича Ѳеодора они значительно сильнѣе и многочисленнѣе. За меньшимъ стояли Нагіе съ друзьями и Богданъ Бѣльскій. Не могло ли придти инымъ въ голову одновременное провозглашеніе двухъ царевичей, какъ то состоялось черезъ сто лѣтъ при «недѣеспособныхъ» тогда царевичахъ Іоаннѣ и Петрѣ и при обстоятельствахъ аналогичныхъ? Не отсюда ли «мѣшкота» Ѳеодора Ивановича, т. е. наличность нѣкотораго междуцарствія? И не этотъ ли заговоръ задушенъ Годуновымъ въ пользу того, за которымъ было несомнѣнное право, подкрѣпляемое наличностью такой разумной царицы, какова была Ирина Годунова, и притомъ когда вопросъ о чадородіи вовсе не былъ безнадеженъ?

Богданъ Бѣльскій не могъ примириться

---

*) С. Ѳ. Платоновъ. Очерки по исторіи смуты въ Московск. Госуд. С.-Пб. 1901, стр. 150.

съ удаленіемъ изъ Москвы, не могъ простить Годунову.

Левъ же Сапѣга донесъ Королю въ 1584 году, что вступилъ на престолъ Θеодоръ «мимо интриги воеводы Бѣльскаго, который, какъ опекунъ, хотѣлъ возвесть на престолъ младшаго Царевича».*) Но едва ли допустимо, чтобы Бѣльскій, или кто-либо, пошелъ бы противъ Θеодора. Не было ли мысли о провозглашеніи одновременно обоихъ Царевичей—«недѣеспособнаго и неправоспособнаго»**), по примѣру тому, какъ это совершилось при сходныхъ же условіяхъ сто лѣтъ спустя? И тогда попечительство Австрійскаго Эрнеста, какъ то задумалъ Грозный, было бы объяснимо; иначе оно лишено здраваго смысла. Вопросъ о «единодержавіи» Царя Θеодора, вотъ что долженъ былъ отстаивать Борисъ Годуновъ, а съ нимъ—большинство, и «единодержавіе» это закрѣплено было соборомъ, когда и прекратилась «мѣшкота» Царя Θеодора...

*) Арх. М. И. Д. Пос. Льва Сапѣги 1584 года.

**) С. Θ. Платоновъ. Очерки по исторіи смуты въ Московск. Госуд. С.-Пб. 1901, стр. 150.

Цесарскій агентъ Lucas Pauli пишетъ по этому поводу Рудольфу:

«Почтительнѣйшее донесеніе о Московскихъ дѣлахъ Луки Паоли (Lucas Pauli).

. . . Какъ Государь, Великій Князь Иванъ Васильевичъ съ Польшею и Литвою достигъ 15 лѣтняго мира и его старшій сынъ Иванъ Ивановичъ по родительскому гнѣву погибъ, пришелъ онъ къ собственному сознанію и глубоко прочувствовалъ, что другой его сынъ Θеодоръ по простотѣ и слабости (blöder Natur) правленіе надъ грубыми и непокорными народами съ трудомъ могъ воспринять и удержать. И по благовременному совѣту, приведенъ онъ былъ къ тому, что на случай его смерти уговорилъ одного, высокаго происхожденіемъ, дабы управленіемъ около него (Θеодора) въ данныхъ случаяхъ ему руку помощи дѣйствительно дать могъ. И какъ съ этою мыслію произошло, то онъ съ нѣкіимъ Богданомъ Бѣльскимъ, тогда его ближайшимъ и наитайнѣйшимъ будучи совѣтовался. И между прочимъ и о малолѣтствѣ его сына (Димитрія) одновременно

съ тѣмъ, что врядъ ли будутъ потомки ожидаться, что 12 лѣтъ уже прошло, посему онъ задумалъ и себѣ рѣшилъ Князя и Эрцгерцога Австрійскаго. . . Къ сему Эрц. Эрнестъ названъ былъ ежегоднымъ представителемъ княжествъ Твери, Углича, Торжка съ ежегоднымъ доходомъ въ 30000 р.

За симъ онъ также завѣщалъ и послѣднюю свою волю, чрезъ своего тайнѣйшаго секретаря, Савы (Sawa) Фролова: назначено, письменно составлено и къ дѣлу направлено и преждереченнаго г. Богдана Бѣльскаго къ Вашему Величеству о томъ отправить, согласно вполнѣ его волѣ. И какъ онъ о томъ размышлялъ, впалъ въ болѣзнь и скорую смерть. Этимъ самымъ завѣщаніе не было обнародовано»*).

Какъ бы то ни было, но въ Москвѣ этотъ «смутьянъ» появился только въ 1591 году, въ самомъ началѣ, незадолго до Угличскаго событія.....

---

*) Док. Вѣнск. Арх. сообщ. Г. Ѳ. Штендманомъ. Донес. Lucas Pauli. 1598 (Выписки).

5. Борисъ Өеодоровичъ Годуновъ.

Прямой потомокъ выѣхавшаго изъ Орды при Калитѣ—мурзы Чета, принявшаго крещеніе съ именемъ Захаріи и построившаго въ Костромѣ Ипатіевскій монастырь, гдѣ онъ и похороненъ съ ближайшимъ своимъ потомствомъ. Сынъ правнука его, Иванъ Ивановичъ «Годунъ»,—родоначальникъ Годуновыхъ; отъ брата же его старшаго «Сабура» пошли Сабуровы.

Въ томъ же Ипатьевскомъ монастырѣ похоронены Өеодоръ Ивановичъ Годуновъ, прозваніемъ «Кривой», и жена его Степанида Ивановна, въ иночествѣ Сундулея—Снандулія. Это родители Бориса Өеодоровича*).

Не подлежитъ сомнѣнію, что правленіе кроткаго, «смиреніемъ обложеннаго» Царя Өеодора, принадлежитъ къ числу лучшихъ и славнѣйшихъ царствованій. То было время, когда во главѣ правленія стоялъ «изряд-

---

*) Кн. Лобановъ-Ростовскій. Рус. Родосл. книга. С.-Пб. 1895, т. I, стр. 145—147.

ный правитель»—Борисъ Годуновъ. У этого замѣчательнаго человѣка были, какъ и слѣдуетъ, неизбѣжно вѣрные друзья и ожесточенные враги, хотя перевѣсъ былъ на сторонѣ послѣднихъ. Оно и отражается въ отзывахъ объ немъ современниковъ. «Бысть же той Борисъ образомъ своимъ и дѣлы множество людей превозшедъ; никто бѣ ему отъ царскихъ синклитъ подобенъ во благолѣпiе лица его и въ разсужденiе ума его; милостивъ и благочестивъ, паче во многомъ разсужденiи доволенъ, и велерѣчивъ зѣло, и въ царствующемъ градѣ многое дивное о собѣ творяше во дни власти своея. Но токмо едино неисправленiе имяше предъ Богомъ и всѣми людьми: во уши его ложное приношаху; радостно тово послушати желаше и оболганыхъ людей безъ разсужденiя напрасно мучителемъ предаваше. И властолюбивъ велми бываше»*). «Царь же Борисъ, — продолжаетъ писатель, родственный Романовымъ и щеголяющiй безпристрастiемъ, кн. Катыревъ-

*) Рус. Ист. Библ. т. XIII. С.-Пб. 1909, столб. 563. Повѣсть кн. Катырева-Ростовскаго.

Ростовскій,—благолѣпіемъ цвѣтуще и образомъ своимъ множество людей превозшедъ, возрасту посредство имѣя; мужъ зѣло чюденъ, въ разсужденіи ума доволенъ и сладкорѣчивъ велми, благовѣренъ и нищелюбивъ и строителенъ зѣло, о державѣ своей много попеченіе имѣя и многое дивное о себѣ творяше. Едино же имѣя неисправленіе и отъ Бога отлученіе: ко врачемъ сердечное прилежаніе и ко властолюбію ненасытное желаніе»*).

Другой современникъ изображаетъ его такъ: «Аще бо и лукавъ сый нравомъ и властолюбивъ, но зѣло и боголюбивъ, церкви многи возгради и красоту градскую велелѣпіемъ исполни; лихоимцы укроти, самолюбныхъ погубивъ... и въ мудрость житіа міра сего, яко добрый гигантъ, облечеся... Съ волхвы убо совокупився и бытіе дней своихъ разумѣти, и дщаніе свое положи въ чародѣяніе, и возвысися зѣло и почитаніе сотвори себѣ, яко Богу»**).

---

*) Рус. Ист. Библ., т. XIII. С.-Пб. 1909, столб. 620.

**) Рус. Истор. Библ., т. XIII. С.-Пб. 1909. Повѣсть кн. И. А. Хворостинина, ст. 532.

Вотъ отзывъ Ѳомы Смита.

«Что касается особы царя Бориса, это былъ рослый и дородный человѣкъ, своею представительностью невольно напоминавшій объ обязательной для всѣхъ покорности его власти; съ черными, хотя рѣдкими волосами, при правильныхъ чертахъ лица, онъ обладалъ въ упоръ смотрящимъ взглядомъ и крѣпкимъ тѣлосложеніемъ»*).

Нѣсколько иначе говоритъ Масса.

Борисъ былъ не высокаго роста, дороденъ, лице имѣлъ круглое, бороду и волоса на главѣ посѣдѣвшіе. Онъ ходилъ съ трудомъ по причинѣ подагры, отъ которой часто страдалъ... Борисъ былъ очень милостивъ и любезенъ съ иностранцами; имѣлъ огромную память, и хотя не умѣлъ ни читать, ни писать, тѣмъ не менѣе все зналъ лучше тѣхъ, которые умѣли писать **). Какъ ни странно это свидѣтельство о безграмотности Годунова, но оно находитъ подтвержденіе и въ нашихъ источникахъ. «Аще

---

*) Сэра Томаса Смита путешествіе. Переводъ Болдакова. Изд. Гр. С. Д. Шереметева. СПб. 1893, стр. 58.

**) Сказанія Массы и Геркмана, стр. 137.

и не наученъ сый писаніамъ и вещемъ книжнымъ, но природное свойство цѣлоносно имѣя»*).

То-же подтверждаетъ и Тимофеевъ, когда говоритъ: «И чюдо, яко первый таковъ Царь не книгочій намъ бысть»**).

Не смотря на обиліе свидѣтельствъ о некнижности Бориса Годунова, не представляется однако возможности тому вѣрить. Онъ могъ быть недостаточно книжнымъ человѣкомъ, въ особенности при сравненіи съ Царемъ Иваномъ. «Не книгочій», какъ говоритъ Тимофеевъ, но передъ нами *безстрастное* свидѣтельство документовъ Архива Министерства Юстиціи, въ которыхъ находимъ его подпись и притомъ до его воцаренія, когда нельзя допустить замѣны его руки подписью дьяка, какъ оно могло быть на царскихъ грамотахъ***).

---

*) Рус. Ист. Библ., т. XIII. Повѣсть кн. И. А. Хворостинина, ст. 531.

**) Рус. Ист. Библ., т. XIII. Временникъ дьяка Ив. Тимоѳеева, ст. 330.

***) Чтенія И. О. И. и Др. Рос: Москва, 1907. Грамоты съ подписями Годуновыхъ.

Горсей восхваляетъ Годунова: — «Велика была его наблюдательность, возвеличенный, любимый, всѣ его опасались, всѣми чтимый, онъ держалъ себя и выказывалъ какъ относительно князей, такъ и дворянъ и всего народа столь ласковымъ и привѣтливымъ, въ чемъ и преуспѣвалъ»*).

Иначе смотритъ на него Тимофеевъ. «Овъ убо куртесъ и доместикъ, притвореніемъ творяся кротокъ, неже естествомъ»**). Всѣхъ болѣе однако восхваляетъ Годунова Горсей: «Онъ весьма внушителенъ ростомъ и обращеніемъ своимъ и величествененъ, со всѣми въ обхожденіи привѣтливъ, и тѣмъ не менѣе съ большимъ мужествомъ, мудръ, политиченъ, степененъ, около 50 лѣтъ отъ роду, милосердъ, поклонникъ добродѣтели и добраго обычая, ненавистникъ злыхъ людей и строгій каратель несправедливости; въ итогѣ, это весьма рѣдкій князь, изъ тѣхъ, что царствовали надъ этимъ народомъ, насколько я объ нихъ прочелъ

---

*) Fletcher and I. Horsey. Russia at the close of the sixteenth century. The travels. London, 1856.

**) Рус. Ист. Библ. т. XIII. С.-Пб. 1909. Времен. дьяка Ив. Тимоѳеева, ст. 352.

въ ихъ Лѣтописяхъ, которыя весьма древни»*).

Борисъ Өеодоровичъ не стоялъ одиноко. За нимъ сплотилась его родня—Сабуровы, Вельяминовы-Зерновы, Пильемовы; его окружали многочисленные дѣловые представители рода Годуновыхъ. Чего стоитъ одинъ Степанъ Васильевичъ, самый вѣрный ему человѣкъ! Судьбою поставленъ онъ былъ между двухъ женщинъ, весьма различныхъ по характеру и взглядамъ и одинаково ему близкихъ. Вліяніе этихъ двухъ женщинъ должно было на немъ отражаться. То были: сестра его Ирина и жена его Марья Григорьевна Скуратова—дочь Малюты. Двѣ другія сестры: Екатерина была за княземъ Шуйскимъ, а другая за княземъ Иваномъ Михайловичемъ Глинскимъ († 1602 г., былъ «воевода Большого полка»)**).

Сопоставляя отзывъ современниковъ объ Иринѣ и Маріи, мы можемъ заключить, какой разладъ господствовалъ въ этомъ

*) Horsey. The travels. London, 1856, p. 309.
**) Лобановъ. Родосл. книга, ч. I, стр. 139.

домашнемъ его мірѣ. Внѣшнія событія, различно должны восприниматься этими двумя женщинами, и вліяли онѣ различно на всесильнаго Правителя. Несомнѣнныя качества и дарованія дѣтей его—Θеодора и Ксеніи, о которыхъ нѣтъ разногласія, заставляютъ насъ искать сходства ихъ съ отцомъ... Полное отсутствіе благоразумія и кротости составляли отличительную черту Марьи Григорьевны. Въ ней должна была сказаться кровь Григорія Лукьяновича. «Главная причина жестокаго правленія Бориса (Годунова) заключалась именно въ томъ, что онъ находился подъ вліяніемъ негодяевъ и своей жестокосердой жены; если бы онъ дѣйствовалъ самостоятельно, онъ не былъ бы тираномъ»*). По другимъ отзывамъ у нея «сердце Семирамиды»**). Англійскій посолъ Смитъ называетъ ее «Іезавелью, гнѣздилищемъ мерзостей, колыбелью порока»***). За то дѣти его заслужили общее сочувствіе: «Царь и великій

*) Сказанія Массы и Геркмана, стр. 138.

**) Ibid, стр. 55.

***) Sir Thomas Smithes voiage and entertainment in Rushia. London, 1605.

князь Борисъ имѣлъ прекраснаго сына, по имени Ѳеодора, и красивѣйшую дочь, по имени Ксенію»*).

Сравнимъ эти отзывы — съ мнѣніемъ предшественника Смита, Флетчера о царицѣ Иринѣ: Хотя Петрей называетъ Ирину «хитрой», а Горсей величаетъ ее «мудрой», но всѣ голоса сходятся въ признаніи ея высокаго разума. «Amentissima Irene Regina... mirabamur sermonis (ея) suavitatem, splendorem, atque praestantiam»,—такъ выражается грекъ-современникъ, Арсеній Элассонскій—авторъ драгоцѣнныхъ записокъ **).

Положеніе Годунова становится сложнѣе, благодаря его недостаточной книжности. Какова бы ни была его память, какъ бы ни было «цѣлоносно» природное его свойство, но онъ обязанъ былъ окружать себя людьми ему вѣрными. Можно было бы злоупотребить положеніемъ—слова: «и не наученъ писаніямъ и вещамъ книжнымъ и не «книгочій», даже если бы это

---

*) Дмитріевскій. Архіепископъ Элассонскій Арсеній. Кіевъ, 1899, ст. 230.

**) Карамзинъ. Исторія Г. Р., т. X, прим. 29 и 217.

означало только некнижность его, въ смыслѣ необразованія, то уже и это было большимъ неудобствомъ въ его положеніи.

Насколько нужна осторожность относительно сужденій современниковъ о Годуновѣ, видимъ въ вопросѣ о неграмотности его, мнѣніе о которомъ преобладаетъ. Между тѣмъ мы знаемъ, что оно не оправдывается *).

Изъ прилагаемыхъ свидѣтельствъ о Годуновѣ, нельзя, мнѣ кажется, не вывести общаго приговора враговъ и даже сторонниковъ его въ ненасытномъ его властолюбіи. На этой чувствительной струнѣ, всего болѣе должны были вліять Царица Ирина и Марья Григорьевна. И та и другая естественно должны были желать удовлетворенія этому властолюбію. Но онѣ могли понимать это удовлетвореніе совершенно различно — соотвѣтственно внутреннимъ качествамъ каждой изъ этихъ двухъ женщинъ. И та, которая носила званіе Царицы, должна была относиться къ этому вопросу

*) Чтенія И. О. И. и Др. Рос. Москва. 1897. Грамоты съ подписями Бориса, Дмитрія и Степана Годуновыхъ.

менѣе страстно, чѣмъ та, которая лишена этого преимущества.

Среди двухъ домашнихъ теченій, между двумя близкими ему женщинами, Годуновъ долженъ былъ не разъ задавать себѣ роковой вопросъ объ обезпеченіи своего будущаго положенія,—а для него будущее было вопросомъ о его личной власти. Онъ долженъ былъ взвѣсить, какимъ путемъ эта власть могла бы утвердиться въ рукахъ его? Чье положеніе въ дѣйствительности властнѣй, «изряднаго» ли Правителя, облеченнаго неограниченнымъ довѣріемъ, или же Царя Самодержавнаго, со всѣми внѣшними отличіями, но окруженнаго завистниками, скрытыми и явными врагами, и къ тому-же находившагося въ исключительномъ положеніи, подъ давленіемъ не вполнѣ разъясненнаго событія 15 мая 1591 года?

Имѣемъ ли мы право пренебрегать мнѣніемъ о Годуновѣ Петра Великаго и Екарины II-й?

«Во время путешествія Петра Великаго были произведены починки въ большой

Московской колокольнѣ, построенной царемъ Борисомъ, на коей находилась надпись, высѣченная на камнѣ въ его честь; ее покрыли штукатуркою. Когда Императоръ объ этомъ узналъ, онъ велѣлъ возстановить ее, сказавъ буквально, что слѣдуетъ уважать память великаго человѣка»*). А вотъ слова Екатерины II-й: «Аббатъ (Chappe d' Auteroche) наполняетъ полторы страницы мнимыми злодѣяніями царя Бориса Годунова; я говорю—мнимыми, ибо аббатъ приводитъ ихъ много, которыхъ ни онъ, никто-бы то ни былъ не могъ бы доказать. Этотъ Государь былъ несчастенъ, а несчастные всегда виноваты; многіе историки наговаривали на него понаслышкѣ, или по молвѣ, распущенной его врагами или противными ему партіями»**).

Слѣдовательно, Петръ считалъ Годунова «великимъ человѣкомъ», а Екатерина назвала его «несчастнымъ», оклеветаннымъ врагами и противными ему партіями.

---

*) Осмнадцатый Вѣкъ. Истор. Сб., изд. П. Бартеневымъ. Москва, 1869. Т. IV. Антидотъ, стр. 290—91.

**) ib.

Первоначальный взглядъ Карамзина на Бориса Годунова заставилъ его выразиться извѣстными словами: «что, если мы клевещемъ на этотъ пепелъ?»*) Но взглядъ этотъ, повидимому, онъ измѣнилъ и какъ думаютъ, помимо его воли. Теперь все болѣе и болѣе, онъ закрѣпляется современными голосами изслѣдователей. Погодинъ**) сильно склонялся къ смягчающимъ вину его обстоятельствамъ, и «клевета на Годунова» давно уже смущала многихъ...

Въ настоящее время профессоръ С. Ѳ. Платоновъ въ своемъ изслѣдованіи***) очищаетъ царя Бориса отъ приписываемыхъ ему дѣйствій въ 1591 году и, не отвергая ненасытнаго его властолюбія, выдвигаетъ его дѣйствія, какъ направленныя къ достиженію престола—лишь послѣ смерти своей племянницы царевны Ѳеодосіи, т.-е. лишь въ 1594 году. Онъ не считаетъ его «убійцей» царевича Димитрія.

---

*) Карамзинъ Корсаковъ.
**) Погодинъ.
***) С. Ѳ. Платоновъ. Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ Госуд. XVI—XVII вв.

6. Андрей Яковлевичъ Щелкаловъ.

Душа и исполнительная власть созданной Грознымъ верховной думы—это знаменитый Думный дьякъ Андрей Щелкаловъ. Дѣятельностью его наполнена большею частію вторая половина царствованія Грознаго. По смерти его онъ занялъ выдающееся по вліянію своему положеніе, вмѣстѣ съ Никитою Романовичемъ, съ которымъ Щелкаловы были всегда за одно.

Онъ называлъ Царя Ивана «Англійскимъ царемъ»*) и не сочувствовалъ его политикѣ послѣдняго времени. По смерти его, Щелкаловъ находился въ средоточіи всѣхъ дѣлъ, болѣе чѣмъ когда-либо и велъ обширную переписку. Какъ образецъ, приводимъ письмо къ нему Льва Сапѣги, молодаго и даровитаго посла Стефана Баторія, очутившагося въ Москвѣ при перемѣнѣ царствованій... Вотъ что писалъ Щелкалову будущій Литовскій канцлеръ 15 мая 1587 года (слѣдовательно въ разгаръ дѣла Шуйскихъ).

---

*) Толстой. Россія и Англія.

«Отъ Льва Ив. Сапѣги подканцлерого в. кн. Лит... ближнія думы большому діяку Ондрею Яковлевичу Щелкалову, брату моему милому. Писалъ еси ко мнѣ... Я твое писанье и грамоту, по достатку выразумѣвши, такую ласку, добротливость и хуть государя вашего ку (sic) народомъ нашимъ похваляю и з немалою то похвалою его милостію государскою в народѣхъ отъ насъ послатьсе, а слова и рѣчи мои всѣ, что есми с тобою братомъ моимъ любительнымъ, посломъ будучи у государя вашего на Москвѣ, говорилъ въ добро—памяти маю и завжды то мое радѣнье было, тые великіе государства в вѣчное нераздѣльное соединенье злучились и подъ одново государя рукою всегда были... для чего наше хотѣнье есть тое, есть ли воля Божія до того приступитъ, абы его м. государь вашъ великій королемъ Польскимъ и великимъ княземъ Литовскимъ отъ насъ обранъ былъ... а и мы предъ иными (претендентами) всѣми его милости в. г. вашему зычимъ и государемъ своимъ его милости мѣти хотимъ, одно бы его милость великій госу-

дарь старанья своего в томъ чинити не занехалъ и пословъ великихъ людей бачныхъ, умныхъ слалъ, которые бы тѣ жъ обычаи народовъ нашихъ вѣдали... и ты бы братъ мой все то у себя уваживши, до того се приходилъ, и государя своего з бояры думными, братьею своею велѣлъ бы еси, абы для добра усего христьанства меншими речьми болшихъ не розрывалъ . . . . . . отъ Господа Бога добраго здоровья и благословенства Его святого зычечи братцкой пріязни залецаюсе. Писано у Вильни. Лѣта Божьяго нароженья 1587, мѣсяца маія 15 дня»*).

Едва ли однако Левъ Сапѣга имѣлъ искренно въ виду Царя Ѳеодора.

Еще изъ Москвы писалъ онъ о немъ къ папскому легату Болоньети:

«Великій Князь малъ ростомъ; говоритъ онъ тихо и очень медленно; разсудка у него мало, или, какъ другіе говорятъ и какъ я самъ замѣтилъ, вовсе нѣтъ. Между вельможами раздоры... а государь не та-

*) Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Посольство Огинскаго и Черниковскаго (копія) 1586—87, стр. 317—23.

ковъ, чтобъ могъ этому воспрепятствовать»*).

Левъ Сапѣга, присоединяясь къ общему мнѣнію иностранцевъ, судить могъ только по внѣшности и въ особенности по сравненію съ Царемъ Иваномъ; но намъ извѣстны и другіе отзывы, признающіе въ Царѣ Өеодорѣ такія стороны, которыя были недоступны Льву Сапѣгѣ, а тѣмъ менѣе другимъ посламъ иноземнымъ. Не даромъ же говорили тогда въ Литвѣ нашимъ посламъ Елизарію Ржевскому съ товарищами:

«Мы о государѣ вашемъ и прежъ сего жедали, какъ Божьимъ изволеніемъ государя нашего Жигмонта короля Августа не стало, и паны рада посылали до отца великаго государя вашего... и посылали къ отцу государя вашего писаря М. Гарабурду, а просили на тѣ на великія панства сына его, вашего государя, царя православнаго и отецъ его, блаженныя памяти, на то не позволилъ, а похотѣлъ у насъ самъ пано-

*) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. 7, ст. 551.

вать, и мы на тѣ великія панства обрали себѣ за государя Стефана короля»*).

Грозный былъ неудобенъ; хотѣли сына; на немъ бы сошлись, хотя онъ тогда еще очень юнъ. Сличая годъ рожденія Царя Ѳеодора (1557, мая 11) и годъ кончины Жигимонта Августа (1572, іюля 18), получимъ возрастъ въ 15 лѣтъ. Видно такая юность не помѣха. Не скорѣе ли наоборотъ? Но если въ 1576 году неудобенъ Царь Иванъ, едва ли въ 1587 году былъ удобенъ Царь Ѳеодоръ!.. Во всякомъ случаѣ его избранію не могъ сочувствовать Годуновъ; не могъ онъ сочувствовать вообще всякой объединительной «съ Литвою» сдѣлкѣ, хотя бы и «опричь коруны Польскія»—какъ не сочувствовали ей и Шуйскіе, какъ разъ за годъ передъ тѣмъ пытавшіеся сломить Годунова... Но едва ли такъ смотрѣли Мстиславскій, Бѣльскій и Нагіе (Аѳонасій съ братіею) съ ихъ друзьями, а прежде всего—братья Щелкаловы...

Въ царствованіе Ѳеодора, дѣятельность А. Я. Щелкалова неожиданно обрывается,

*) М. Арх. М. И. Д. Посольство Ржевскаго. Копія, стр. 203.

какъ бы опалою или добровольно—и притомъ послѣ 1594 года, то есть по смерти Царевны Θеодосіи Θеодоровны. Съ этого времени, по мнѣнію С. Θ. Платонова, и только съ этого времени, замѣчается въ Борисѣ Годуновѣ стремленіе къ упроченію власти, путемъ необычнымъ, то есть стремленіе къ царству (1594 годъ). Не потому ли и укрылся Щелкаловъ, что понялъ игру Годунова?

Если признаки эти замѣтны намъ донынѣ, то тѣмъ болѣе сильнѣе чувствовались они въ то время, и Андрей Щелкаловъ, стоящій въ центрѣ всего правительственнаго строя, лучше другихъ могъ проникнуть въ сокровенный смыслъ новыхъ стремленій Бориса,—послѣ смерти Царевны Θеодосіи. Но именно потому-то онъ и не могъ сочувствовать «изрядному правителю». Именно потому мысли «великаго Логоθета»*) должны невольно обратиться къ таинственному Угличскому дѣлу и заставить Годунова дорого расплатиться за многое. Со смертію Θеодосіи А. Я. Щелка-

*) Какъ называлъ его Мелетій Пигасъ.

ловъ скрывается и слѣдъ его простылъ, но мѣсто его занялъ братъ его Василій, будущій окольничій Ростриги.

Въ опытныхъ рукахъ Андрея Щелкалова сосредоточены были сложныя нити государственнаго управленія. Знаменитый дѣлецъ своего времени, закаленный многолѣтнимъ опытомъ въ дѣлахъ посольскихъ, онъ способствовалъ возвеличенію Годунова, которому въ началѣ его поприща покровительствовалъ. Братья Щелкаловы обязаны своимъ возвышеніемъ и изумительнымъ вліяніемъ на государственныя дѣла въ концѣ XVI-го столѣтія силѣ своего ума, своей опытности и дипломатической ловкости*). Годуновъ тщательно и весьма долго сохранялъ къ нему дружескія отношенія, къ тому же онъ нуждался въ опытности Щелкалова и трудно было Годунову съ нимъ разстаться.

Даже въ то время, когда начались гоненія на Мстиславскаго (1586) и на Шуйскихъ, даже послѣ 1587 года отношенія

*) Лихачевъ. Разрядные дьяки XVI вѣка. С.-Пб. 1888, стр. 191.

Годунова къ Андрею Щелкалову еще держались: «Борисъ Годуновъ съ родомъ своимъ умышляетъ»,—говоритъ Лѣтописецъ,—«и присовокупляетъ къ себѣ Андрея Щелкалова и нарицаетъ его отцомъ, (до того онъ называлъ отцомъ Мстиславскаго), и брата его Василія, и возводитъ неистинно на великаго боярина, князя И. Ѳ. Мстиславскаго измѣну и посылаетъ его въ заточеніе въ Кирилловъ монастырь»*).

Тѣмъ выразительнѣе, что именно послѣ 1594 года, Андрей Щелкаловъ куда-то таинственно удаляется. Братъ его Василій, его замѣняющій, все еще держится до 1600 года, но и его при Годуновѣ застигаетъ опала, одновременно съ опалою «Никитичей». Андрей Щелкаловъ на 10 лѣтъ старше своего брата Василія. Еще въ мартѣ 1594 года онъ принимаетъ въ посольской палатѣ цесарскаго гонца Михаила Шеля, а въ августѣ того же года (1594) посольскимъ приказомъ управлялъ уже братъ его Василій»**).

---

*) Карамзинъ, т. X, Прим. 60.

**) Лихачевъ. Разрядные Дьяки, стр. 200.

Арсеній Эласонскій такъ характеризуетъ Щелкалова:

«Nobilem virum Andream Tzalcanem aetate provectum, mirabili prudentia, doctrina et virtute praeditum celeberrimumque, nec non germanum ejus fratrem nobilem Basilium miserunt»*).

Вотъ какъ отзывается о Щелкаловѣ Масса: «Человѣкъ необыкновенно пронырливый, умный и злой. Борисъ, считая его необходимымъ для управленія государствомъ, былъ очень расположенъ къ этому дьяку, стоявшему во главѣ всѣхъ прочихъ дьяковъ въ цѣлой странѣ. Во всѣхъ областяхъ и городахъ ничего не дѣлалось безъ его вѣдома и желанія. Не имѣя покоя ни днемъ ни ночью, работая, какъ безгласный мулъ, онъ былъ не доволенъ тѣмъ, что у него мало работы и желалъ еще больше работать. Борисъ не могъ достаточно надивиться (его трудолюбію) и часто говорилъ: «Я никогда не слыхалъ о такомъ человѣкѣ и полагаю, что весь міръ былъ

---

*) Лихачевъ. Разрядные дьяки XVI в., стр. 196. Примѣч.

бы для него малъ. Этому человѣку было бы прилично служить Александру Македонскому»*).

«Могущество Щелкаловыхъ для насъ особенно интересно въ томъ отношеніи, что оно является наивысшей степенью того значенія, какого когда-либо достигали дьяки»**). Относительно связей и сближеній мы имѣемъ указанія; такъ, ихъ даже обвиняли въ разное время за ихъ пристрастіе, когда они «дружили», то Ивану Васильевичу Меньшому Шереметеву, то Өедору Шереметеву, то князю Василью Юрьевичу Голицыну, то Никифору Чепчугову... О послѣднемъ сказано, что онъ «былъ Щелкаловымъ свой, и они его по свойству вынесли»***). Эта связь Андрея Щелкалова съ Никифоромъ Чепчуговымъ имѣетъ особое значеніе.

«Умъ и опытность знаменитыхъ дьяковъ признавались всѣми»****).

*) Сказанія Массы и Геркмана о смутномъ времени въ Россіи. С.-Пб. 1874, стр. 55.

**) Лихачевъ. Разрядные дьяки, стр. 202—203.

***) Дворцовые Разряды. С.ПБ. 1850. I, ст. 111.

****) Лихачевъ. Разрядные дьяки, стр. 212.

Изъ разрядныхъ и мѣстническихъ дѣлъ можно себѣ представить понятіе о связяхъ Щелкаловыхъ и о ближайшихъ ихъ друзьяхъ. Это важно для опредѣленія ихъ, относительно Годунова и того, насколько неискренны были эти отношенія, а подозрительны и враждебны. Этого не скрываетъ ни Еремей Баусъ, ни Еремей Горсей. Еремей Баусъ говоритъ: «Никита Романовичъ и Андрей Щелкаловъ считали себя царями» и относится къ нимъ раздражительно*). Но Англійскій гость «Августинъ» (Austin Fulckes) въ этомъ случаѣ исключеніе, такъ какъ онъ сумѣлъ себя поставить на столько благопріятно во мнѣніи правительства Царя Ѳеодора, что на него указывали даже въ грамотахъ съ великою похвалою**). Въ дѣлахъ же политическихъ, такъ и торговыхъ преимущественно на берегахъ Студенаго моря, имя Щелкалова всюду и вездѣ встрѣчается неизбѣжно. Таково было положеніе государственнаго дѣятеля, отъ котораго не

*) Толстой. Россія и Англія. 1553—93. СПб. 1875, стр. 229.

**) Ibid, стр. 357—58.

могла быть скрыта «никая же державныхъ тайна». Но если «никая» тайна отъ него не скрыта—то могло ли Угличское событіе составлять въ этомъ исключеніе... «Великій Логоѳетъ», какъ называлъ Щелкалова знаменитый Александрійскій Патріархъ Мелетій Пигасъ, не до конца однако удержался въ Москвѣ, но онъ еще на лицо и у дѣлъ въ 1594 году. Едва ли онъ опальный, вѣдь его замѣняетъ его братъ, но онъ уже не у дѣлъ, по крайней мѣрѣ гласно не прикосновенъ къ событіямъ.

Еще въ 1593 году, Щелкалову пишетъ Мелетій Пигасъ извѣстное письмо:

«Мѣрность наша молится о тебѣ и благословляетъ твою свѣтлость и взываетъ къ человѣколюбивому Богу, да сподобитъ тебя своего царства съ твоими родичами... Какъ всегда, ты со всякою богобоязненностію и любовію заботился не только о дѣлахъ великаго царства, но и всей церкви Христовой, такъ вновь заботишься и теперь во время старости, когда приближается воздаяніе за труды. Только не уставай трудиться для благочестивѣйшаго царства

вашего и для церкви Христа Спасителя. Ибо здѣсь въ нынѣшнемъ вѣкѣ благочестивѣйшій царь, а тамъ въ будущемъ Господь Славы вознаградятъ твои труды. Помни и вспоминай о насъ, всегда поминающихъ тебя въ священныхъ службахъ»*).

Итакъ завѣтъ Мелетія А. Я. Щелкалову: «не уставай трудиться», и это сказано въ 1593 году, за годъ до кончины Царевны Θеодосіи.

Связи Щелкалова съ Мелетіемъ Пигасомъ въ дѣятельности послѣдняго въ царствованіе Θеодора имѣютъ особое значеніе и подчеркиваютъ направленіе Щелкалова по церковнымъ вопросамъ, не сходившимся съ направленіемъ Годунова и его ставленника Патріарха Іова. «Не уставай трудиться» (очевидно въ пользу Церкви) въ устахъ М. Пигаса означало во всякомъ случаѣ трудъ въ духѣ, не сочувственномъ направленію «изряднаго Правителя» и его ставленника. Жаль, что скудны изданныя извѣстія о сношеніяхъ нашихъ съ

*) Малышевскій. Александрійскій патр. Мелетій Пигасъ. Кіевъ, 1872. II, 11—12.

Востокомъ и съ духовенствомъ Греческимъ*).

Въ книгѣ А. Н. Муравьева**) къ сожалѣнію много пропусковъ и притомъ въ мѣстахъ, болѣе всего нужныхъ... Сколько драгоцѣнныхъ матеріаловъ, лежащихъ еще подъ спудомъ и относящихся къ Смутному времени***). Одна переписка Патріарховъ Мелетія Пигаса и Кирилла Лукариса многое бы освѣтила, еслибъ была у насъ издана. Вѣдь Лукарисъ былъ въ Брагинѣ гостемъ Адама Вишневецкаго и духовникомъ его... То-же самое можно сказать и о хранящихся на Аѳонѣ письмахъ изъ Россіи ставленника Розстриги-Грека Патріарха Игнатія****), того самаго, что на вѣнчаніи Бориса Годунова присутствовалъ въ качествѣ представителя Вселенскаго Патріарха, каковымъ былъ тогда Мелетій Пигасъ.

---

*) Моск. Арх. Мин. И. Д. Дѣла Греческія.

**) А. Муравьевъ. Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ.

***) Дмитріевскій. Архіепископъ Элассонскій Арсеній. Кіевъ. 1899, с. 120.

****) Игнатій, нѣкогда Епископъ Эриссо и Святой Горы. (Дмитріевскій. Архіеп, Элас. Арс., стр. 103).

Ревностный поборникъ Православія не возложилъ бы порученія на Епископа Игнатія, еслибъ онъ зналъ что-либо сомнительное въ его прошлой жизни, относительно шаткости его религіозныхъ убѣжденій; съ нимъ же переписывался Вселенскій Патріархъ Рафаилъ*) (1603—1607).

* * *

Таковъ былъ наличный составъ вліятельнѣйшихъ лицъ въ Государствѣ, когда посолъ Ст. Баторія Левъ Сапѣга прибылъ въ Москву въ 1584 году. Всѣ они, какъ мы видѣли, не принадлежали къ числу людей, особенно «сочувствующихъ» Годунову. Всѣ они позднѣе подвергаются царской, или вѣрнѣе его опалѣ... Соединенные между собою общею враждою къ «изрядному Правителю», они не смотря на заточеніе, ссылку или удаленіе,—составляютъ силу внушительную, съ которой Годунову неизбѣжно считаться.

Какъ бы ни были различны между собою члены ближней думы Царя Θеодора

---

*) Дмитріевскій. Архіеп. Елассонскій Арсеній. Кіевъ, 1899, стр. 120.

но нельзя не признать, что всѣ они были люди далеко не дюжинные, а выдающіеся умомъ и съ твердою волею. Въ нихъ былъ тотъ крѣпкій закалъ и тотъ опредѣленный характеръ, которымъ отличались государственные дѣятели былыхъ временъ и преимущественно въ годину великой смуты, сложныя явленія которой разразились вслѣдъ за роковымъ событіемъ въ Угличѣ 15 мая 1591 года.

Г. С. Ш.

Михайловское,
20 мая 1906 г.

Конецъ.

Примѣчаніе:

«Любопытнѣйшій архивъ Карейскаго Протата на св. Аѳонской горѣ, гдѣ несомнѣнно найдутся данныя для личности Патріарха Игнатія, ревниво оберегаемый отъ взоровъ любопытствующихъ его настоящими владѣльцами, не скоро еще сдѣлается доступнымъ нашимъ историкамъ». (Дмитріевскій. Арс. Елас. стр. 124).

«Съ Патріархомъ Іереміею прибыли въ Москву Понемвасійскій Митрополитъ Киръ Іерофей, племянникъ Патріарха, господинъ Димитрій, первый канонархъ Георгій Логоѳетъ и Николай Аристотель изъ Аѳинъ. Все Греки, несочувствующіе Московскому патріаршеству». (Арс. Елас. Зап.).

